

Казино и Горький.

(От нашего московского корреспондента)

Они расположены рядом—эти два зала. В одном с вечера до позднего утра неиманы бросают на зеленый стол легкую дневную наживу, а в другом ошущно ищет путей к новым формам искусства Всеволод Мейерхольд.

По понедельникам в театре «Гитис» происходят доклады на политические, литературные и художественные темы. В то время, как быстроногие лихачи и безногие автомобили подкатывают к этому двуминому зданию и выбрасывают неиманов и колюток в соболях и бриллиантах,— а это же время пешком, усталые, но бодрые со всех концов бесконечной Москвы подходят рабфаковцы и рабочие в серых шинелях, сохранных еще со времени борьбы на красных фронтах. Обгоняют медлительных неиманов, быстро вскакивают вверх по широкой лестнице, бросают презрительный и порою возмущенный взгляд на залу азарта и входят в холодное помещение «Гитиса», чтобы ловить жадно слова докладчиков с пустой и холодной трибуны.

Мне хочется остановиться на последнем понедельнике, когда в театре Гитиса происходил диспут о Максиме Горьком—не о Максиме Горьком художнике и певце пролетариата, а о Максиме Горьком—политике в связи с его последними политическими выступлениями за границей. Ибо мы давно-давно сделали себе новую библию из маленьких книжечек Горького, и нам было особенно

больно услышать из за-границы его последние горькие слова.

Докладчиком выступил т. Эрде. Было видно, что докладчик, более чем детально изучил этот большой вопрос—большой потому, что как сказал докладчик, он создает новый фронт—фронт мозговых полушарий Максима Горького, а вместе с тем мозговых полушарий всей нашей интеллигенции. Докладчик привел интервью Горького с Шолом-Ашем, привел и «опровержительное» письмо Горького, и с точной и четкой марксистской обоснованностью доказал, что не только интервью, но и это письмо с неопровержимой яркостью доказывает о новом очередном политическом сдвиге в мозговых полушариях Максима Горького. Его заявление о процессе об эсерах явилось только завершительным звеном в этом сдвиге. И на фоне этих неопровержимых цитат вырисовывалось точно и определенно обвинение: Горький, художник пролетариата, Горький, отдавший последние годы честному и бескорыстному служению заветам октябрьской революции, Горький, написавший известную статью о Ленине,—этот Горький не имел права уйти за-границу, в скотнице белой эмиграции, в лагерь эмигрантской гнили и там говорить такие слова. Докладчик вовсе не обострял вопроса, вовсе не делал вывода, что Горький не пужен и нежелателен Советской России наоборот он указывал на желательность

возвращения Горького и выражал которые мы знаем за Горьким, анекдотическую уверенность, что здесь, где он не дочка Поссе объясняет анекдотиче-будет оторван от кипучего котла раски просто:—Горький преклоняется бочей жизни, он скоро изживет этот перед силой. Горький на стороне того, за кем сила. И опять анекдот:—когда Дешикин был под Тулой. Горький, будто-бы говорил Поссе, что он не знает, на чьей стороне ему быть—на стороне красных или на стороне белых. И еще одно:—Горький, видите ли, боится всякой жестокости, поэтому он испугался революции, поэтому он отошел от нее вначале и вернулся к ней только тогда, когда она оказалась победительницей, когда она явила собой определенную силу.

Внимательно и напряженно слушала аудитория каждое слово докладчика. Только барышни из Гитиса, сидевшие в ложах, позевывали в ожидании каких либо анекдотов, каких либо веселых трюков. Им по-резло—в угоду им выступил маститый анекдотчик В. А. Поссе и не безызвестный старец Кулябко-Коренский.

О чем только не рассказывал «знаменитый» лектор Поссе? И о первых встречах с Горьким, и о последних посещениях, и об интимных разговорах, и об утерянных письмах.

— Для Горького нет и не было ничего выше народа,—рассказывает Поссе. А вслед за тем из его же уст такой анекдот: когда я в начале революции зашел к Горькому и сказал ему, что он как видный художник, пользующийся любовью пролетарских масс, должен обратиться с каким нибудь воззванием к народу, Горький сказал ему:—что я могу сказать народу? Я мог бы сказать ему только одно слово—и то трехэтажное...

— Горький писал мне в 1892 г., что тот, кто является членом партии, для него не живой человек, а деревянный столб,—рассказывает далее В. А. Поссе и выражает сожаление, что это письмо у него утеряно. А затем рассказывает о том, как Горький в 1905 г. писал Галону, чтобы тот непременно вступил в социал-демократическую партию.

Все политические противоречия,

существовал ни в одном еврейском погроме и для него и одного этого вполне достаточно. Горький указывал на ошибки. Но на ошибки ведь указывал и тов. Ленин. Горького нельзя ни в чем обвинять, Горького можно только благодарить.

В соседнем зале—в Казино—шестелели бумажками, в соседнем зале крупье отчетливо вычеканивал: «игра сделана, ставок больше нет». А здесь, на глазах нескольких сот рабфаковцев, два старика забыли тот же окрик крупье революции: «игра сделана, ставок больше нет». Не могли понять, что грех Горького не против еврейского народа, что грех Горького в его политическом патании. Вспоминали, что за здоровьем Горького молились в Петербургской синагоге, но забывали, что молились не коммунисты, давно сделавшие себе новую библию из маленьких книжечек Максима Горького.

А в заключение—анекдотический факт:—В. А. Поссе «от имени пролетариата и лучшей части крестьянства» заявил Горькому:

— Я говорю тебе, вернись сюда и здесь говори нам о наших ошибках, и мы будем слушать тебя.

Никто, конечно, не позавидует Горькому в такой защите. Никто, конечно, не вынесет ему оправдательного приговора только за то, что он боится жестокости и любит силу. Но еще менее убедительна была защитительная речь убежденного сединами Н. Н. Кулябко-Коренского. Ему конечно, понятна психология Горького, оправдывающего эсеров—он даже недоумевал бы, как можно обвинять этих борцов за «великие национальные идеалы». Ему даже непонятно, как можно обвинять Горького за его анти-семитические выступления. В чем Горький грешен перед европейским народом,—патетически восклицает мудрый старик. Для него ясно, что Горький не уча-

ствовал ни в одном еврейском погроме и для него и одного этого вполне достаточно. Горький указывал на ошибки. Но на ошибки ведь указывал и тов. Ленин. Горького нельзя ни в чем обвинять, Горького можно только благодарить.

В соседнем зале—в Казино—шестелели бумажками, в соседнем зале крупье отчетливо вычеканивал: «игра сделана, ставок больше нет». А здесь, на глазах нескольких сот рабфаковцев, два старика забыли тот же окрик крупье революции: «игра сделана, ставок больше нет». Не могли понять, что грех Горького не против еврейского народа, что грех Горького в его политическом патании. Вспоминали, что за здоровьем Горького молились в Петербургской синагоге, но забывали, что молились не коммунисты, давно сделавшие себе новую библию из маленьких книжечек Максима Горького.

Красная молодежь с глубоким вниманием слушавшая докладчика, вполне уяснила себе политическую цену Максима Горького, но и она присоединилась к призыву докладчика о возвращении Горького в Россию—о возвращении Горького художника. Она вместе с докладчиком прониклась уверенностью, что здесь, в кипучем котле рабочей жизни, он скоро изживет последний сдвиг.

И, выходя из театра, еще более отчетливо, чем крупье с соседнем зале, отчеканивала свое революционное:—«игра сделана, ставок больше нет»...

А. Вырич.